

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ СОБОРА

В Новокузнецке есть здания, которые в силу своей исторической и архитектурной значимости постоянно привлекают к себе внимание исследователей. Среди них не последнее место занимает величественное здание Спасо-Преображенского собора, которое находится — вот парадокс истории! — на Советской площади. Недавняя публикация в «Кузнецком рабочем» от 17 ноября 2007 г. еще раз подтвердила, что и со стороны читателей неизменно высок интерес к прошлому этого старейшего в Кузбассе каменного храма. Между тем многочисленные публикации о соборе в различных СМИ, как правило, грешат фрагментарностью, а порой и неточностью в изложении тех или иных событий, связанных с кузнецким храмом. Попробуем дать цельную и по возможности полную картину непростой истории градокузнецкого собора.

Будущий собор начинался с небольшой деревянной церкви во имя Преображения Господня (отсюда название — Преображенская) в далеком 1621 году. Кузнецкий острог, основанный тремя годами ранее, представлял собой в то время русскую пограничную крепость среди «немирной сибирской земли». Как следствие, основное его население — служилые люди, несшие нелегкую военную службу, оборонявшие Кузнецк от набегов кочевников и собиравшие ясак (пушной налог) с местного населения. Именно служилыми казаками по царскому указу и по благословению патриарха Филарета была поставлена кузнецкая Преображенская церковь. Любопытный феномен представляла собой психология этих суровых русских воинов, волею судьбы оказавшихся вдали от каких-либо центров цивилизации. С одной стороны, традиционная религиозность и постоянное упование на божий промысел, с другой стороны — почти полное игнорирование христианской этики и церковных правил. Так, владыка Киприан, в 1620 г. избранный на высшую должность только что учрежденной Сибирской епархии, объезжая свою паству, был ошеломлен и возмущен увиденным: блуд, многоженство, а то и кровосмесительные связи были рядовым явлением среди служилых во всех сибирских городах. В этих условиях Киприан энергично взялся за упрочение христианских устоев и попытался сделать ставку на своих, как ему представлялось, единомышленников из числа священников, зачисленных в штат новой зауральской епархии. Особые надежды епископ возлагал на ключаря кремлевского Архангельского собора Ива-

на Иванова, назначенного настоятелем тобольского храма — главнейшего в Сибири. Иными словами, И.Иванов становился вторым после Киприана человеком в епархии. На первый взгляд, для него это была завидная карьера. Действительно, ключарь — это, по существу, всего лишь завхоз при храме, а помощник архиепископа — это принципиально иной уровень. Однако это было только кажущееся повышение. Во-первых, Иванов был ключарем не в простой церкви, а в главном кремлевском соборе, и, во-вторых, Сибирь в это время даже в лице ее административного центра Тобольска оставалась задворками Российского государства. Не исключено, что влиятельный ключарь был задействован в политических интригах самого высокого уровня и, как следствие, в результате неблагоприятного для него исхода дела впал в немилость. Таким образом, И.Иванов рассматривал новое назначение как безусловную опалу. В результате никакого сотрудничества между архиепископом Киприаном и новым протопопом (чин настоятеля храма) Иваном не получилось. Более того, И.Иванов, предпринявший попытку самовольно уехать в Москву и вороченный назад под конвоем, сколотил в Тобольске группу недовольных церковников и стал всячески саботировать работу Киприана, поднимая на него «ропотной» «Непригожие» высказывания в адрес отца царя — патриарха Филарета — окончательно переполнили чашу терпения московских властей. Вердикт был суров: «архангельского ключаря Ивана послати в дальние сибирские городы и быти в рядовых попах».

Событие это датируется концом 1622г. Между тем у недавно поставленной кузнецкой Преображенской церкви все еще не было своего пастыря. Именно в кузнецкий храм и был оправлен беспокорный ключарь. На новом месте первый кузнецкий священник отнюдь не убавил присущего ему своенравия. В Кузнецке среди служилых людей находились не только русские казаки, но и так называемая «литва». Это были выходцы из Польши, которые в ходе многочисленных войн России с этим государством попадали в плен и предпочитали перейти на службу московскому царю. Как правило, таких «новых русских» отправляли на службу в Сибирь. Зачастую эти выходцы из Польши были католиками, и естественно, что, связав свою судьбу с Россией, они стремились принять православие. Именно такое желание сподвигло в 1626г. кузнецких иноземцев обратиться к попу Ивану с соответствующей просьбой. Ответ кузнецкого священника был столь же краток, сколь и категоричен: «У меня вам, литве, крещенья нет». И уже ничто, даже требования нового архиепископа Макария, не смогло изменить это решение: Иванов был непреклонен.

Между тем поп Иван обзавелся собственной пащейной, получал «ругу» (церковное жалованье) в шесть рублей, что было больше, чем у любого служилого в Кузнецке. Казалось, он еще долгие годы будет воз-

главлять Преображенскую церковь. Однако после 1627 г. имя первого кузнецкого священника неожиданно исчезает из источников, а преображенским попом мы видим Меркурия Леонтьева — личность не менее примечательную, чем его предшественник. Его отец был новгородским посадником, но после царской опалы «сошел» в Пермь Великую (Приуралье). Здесь и родился этот мальчик с необычным для нас именем — Меркурий. Его молодость пришлась как раз на начало похода Ермака — знаменитый атаман взял его «вожем» в Сибирь. После разгрома Кучума ермаковцами Меркурий служит в течение двенадцати лет в конной казачьей службе в первых сибирских городах Верхотурье, Туринске, Тюмени и Тобольске, а затем еще двадцать лет в только что основанном Томске. И вот здесь, будучи уже немолодым человеком, он «по челобитью (т.е. прошению) томских служилых и всяких чинов людей за малолюдство взят во священничество». Иными словами, томская церковь осталась без настоятеля, а ожидание нового священника могло затянуться на неопределенный срок, поскольку в Сибири свободного иерея взять было негде (то самое упоминаемое в цитате «малолюдство»). Более того, такая же ситуация сложилась и в Кузнецке, где открылась вакансия преображенского попа. В итоге всенародно избранный поп Меркурий совместил в своих руках два церковных места — настоятеля Богоявленской церкви г. Томска и Преображенской в Кузнецке, что противоречило церковным канонам, но в тех условиях оказалось оптимальным решением.

Трудно сказать, как сложилась судьба М. Леонтьева в Томске, но у нас в Кузнецке он закрепился. Его служба прослеживается здесь до конца 1630-х гг., когда преображенский поп Меркурий, вероятно, умер, будучи уже пожилым человеком. Солидное жалованье в 6 рублей в год и высокий авторитет обеспечили успешную карьеру его потомкам. Так, его сын Кирило Меркурьев долгие годы служил подьячим в Кузнецке с рекордным для этой должности окладом в 17 рублей. Сын последнего — Алексей Кириллов — стал десятником (командиром) кузнецких конных казаков. При Меркурии штат служителей Преображенской церкви несколько увеличился — появляется пономарь Дружина Матвеев, а также просфирница Анна.

Имел ли М. Леонтьев свою пашню, неизвестно, зато у следующего преображенского попа по имени тоже Иван (не путать с Ивановым!) ее уже точно не было. Наряду с денежной ругой (все те же 6 рублей), он получает еще и хлебную — 8 четей ржи и 4 чети овса на год (по современным меркам около двух с половиной тонн зерна). Интересно, что в это время пономарем становится Иван Гордеев, прослуживший на этой церковной должности более 30 лет.

О самом здании церкви в первое столетие ее существования известно немного. Вскоре после освящения кузнецкого храма на его обустройство по

царскому указу было послано из Москвы все необходимое «церковное строение», включая иконы, два колокола, церковную посуду и одеяние священника. Ценный груз доставили кузнецкие казаки Владимир Аверкиев и Осип Филиппов. В дальнейшем кузнецкий храм, разумеется, не оставался без изменений. Известно, что Кузнецкий острог очень быстро гнил. Это была общая беда многих сибирских крепостей того времени. В силу этих же причин деревянная кузнецкая церковь тоже требовала частых «поправок». Во время одного из таких ремонтов для «церковной покупки» 18 октября 1672 г. в Тобольск прибыло пять кузнецких казаков во главе с атаманом Андреем Федоровым. Они располагали относительно небольшой суммой в 20 рублей. Однако, судя по количеству приехавших казаков, кузнецкие намеревались закупить внушительный объем недопорогих культовых принадлежностей.

Между тем к 1660 г. штат кузнецкого храма оказывается полностью укомплектованным. В помощь недавно поставленному священнику Афанасию Иванову на «выбылое» (опустевшее) место прежнего попа Ивана «по благословию преосвященного архиепископа Симеона прислан в Кузнецкий острог к царскому богомолию к церкви богослепного преобразования Господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа поп Петр Иванов». Не будет большим преувеличением предположить, что либо Петр Иванов, либо Афанасий Иванов, а возможно, они оба были сыновьями предыдущего преображенского попа Ивана (в то время, как вы уже заметили, уважаемый читатель, фамилии зачастую образовывались от имени отца). Наряду с двумя священниками и упомянутым ранее пономарем И. Гордеевым в кузнецкой церкви появляется и дьячок по имени Федор Васильев. Увеличение числа священников было вызвано значительно возросшей к этому времени численностью кузнецких. Так, если в момент основания Преображенской церкви в остроге несли службу всего 50 казаков, то в 1663 г. в Кузнецке проживало уже 287 «душ». И это только мужского пола.

Преображенские попы Афанасий и Петр получали за службу свои традиционные шесть рублей, хлебную ругу и по два пуда соли в год. Соль, помимо вкусовой приправы, очень ценилась в Сибири как противоязвотное средство. Любопытно, что с середины XVII века в Кузнецке начинают выдавать «горячее вино», то бишь водку, дабы кузнецкие поднимали чарки «за царя, с коим многолетнее здравие». Так вот, Афанасий и Петр получали самое большое годовое винное жалованье в Кузнецке — 6 чарок, что в перерасчете на современные поллитровки дает три с половиной бутылки на брата. «Золотая» пора даровой водки для священнослужителей прекратилась после запретительного указа царя в 1687 г.

Дальнейший рост населения острога (с 1689 г. уже официально города Кузнецка) привел к тому, что в 1676 г. закладывается вторая — приходская

этажный каменный особняк на Советской площади до 1960-х гг. использовался под детский дом № 1) в 1890 г. из старого леса в переулке Базарном (ныне улица Ленина) выстроил также двухэтажный дом и вскоре передал его собору. Однако этот дар полностью соответствовал поговорке: «Бери, боже, что нам негоже». Уже через несколько лет здание было признано «для жительства негодно по своей ветхости», а в 1915 г. дом запланирован к сносу. Но не будем винить кузнецкого купца. Еще в 1885 г. он на свои деньги прямо за собором (в сторону улицы Водопадной) выстроил часовню, получившую название Иверской. На внутреннее ее обустройство и закуп дорогих икон купец истратил несколько тысяч рублей — целое состояние по тем временам. Это здание имело интересную архитектуру и сразу же стало украшением города.

Самому кузнецкому храму в это время предстояло пройти серьезное испытание на прочность. 7 июня 1898 г. Кузнецк пережил волну подземных ударов, в результате которых часть каменных зданий в городе дала трещины. Собор же, в силу прочности и изначальной грамотности проектировщиков и строителей, не получил серьезных повреждений.

В 1893 г. кузнецким отделением Томской епархии был приобретен одноэтажный деревянный дом на улице Зеленой (ныне ул. Полосухина), в котором была открыта соборная (церковно-приходская) школа. Ежегодно здесь азам грамоты обучалось по 30-40 кузнецких мальчишек и девочек. В начале XX в. еще несколько таких школ, содержащихся на средства собора, открываются в окрестных деревнях: в Бессоновой, Араличевой, Букиной и Сосновке.

Постепенно налаживалась жизнь и у соборного причта. С конца XIX в. кузнецкие церковнослужители были наконец-то поставлены на жалованье от казны. Протоиерей получал 400 рублей, священник — 300, дьякон — 200 и два псаломщика — по 100 рублей в год.

Положение православных храмов во многом зависело от усердия и возможностей церковных старост. С 1901 года в течение 15 лет таковую должность при Преображенской церкви исполнял крупнейший кузнецкий купец Максим Эммануилович Окулов. В годы его кураторства здание собора поддерживалось в хорошем состоянии благодаря периодической ревизии его конструкций и последующего «поправления». Последний до революции крупный ремонт собора начался в 1914 г. и продолжался в течение ряда лет. Хорошим подспорьем в этом деле служили небольшие частные пожертвования. Такой «кружечный доход», как его называли, в 1915 г., к примеру, принес 2750 рублей.

Февральская, а затем Октябрьская революции не внесли существенных изменений в жизнь собора. Интересно, что для основной массы кузнецких прихожан церковные проповеди заменяли политинформацию. И хотя высказывания политического

характера для священнослужителей были запрещены, они не могли обойти в своих речах важнейшие события текущего момента. Не случайно кузнецкий обыватель подробности о вооруженном выступлении в Москве во времена первой русской революции в 1905 г., об отречении царя в марте 1917 г. и других значимых событиях нашей истории узнавал в стенах собора.

Перипетии Гражданской войны Кузнецк пережил относительно спокойно, пока в декабре 1919 г. в город не вошли несколько партизанских отрядов, в том числе самый крупный — Григория Рогова. Устроенное Роговым «судилище», а также самодетельная расправа его «партизан» унесли жизни многих десятков кузнецчан. Были казнены почти все кузнецкие церковнослужители, включая причт Одигитриевской церкви и окрестных сел, а также члены их семей. Тогда же партизанские боевики подожгли и все четыре кузнецкие церкви. В начале 1920-х гг. пострадавший от пожара собор был восстановлен и в нем возобновились службы, остальные городские церкви после этого уже не функционировали.

Дальнейшая история Спасо-Преображенского собора в советское время весьма поучительна, если рассматривать ее как культурологический феномен, как конфликт двух культур — старой, традиционной, представленной кузнецкой православной общиной и собором, и новой культуры, в концентрированном виде выраженной в действиях городских властей. Особенно ярко это проявилось в 1930-е годы.

Это время для нашего города — эпоха его второго рождения, эпоха Кузнецкстроя со своим новым бытом, новой культурой. В орбиту влияния Кузнецкстроя почти сразу же попадает и старый город Кузнецк, несмотря на то, что он располагался в нескольких километрах от заводской площадки на правом берегу реки Томи. Уже в 1929 г. первые десятки, а вскоре и сотни строителей завода расселяются в жилых домах Кузнецка, привнося с собой новые ценности, зачастую слишком кардинальные для во многом еще патриархального Кузнецка.

На тот момент здесь проживало около 4,5 тысяч человек. Перерегистрация кузнецкой общины верующих в 1929 г. зафиксировала, что в ней состоит 123 человека. Несмотря на свою малочисленность, община, большей частью состоящая из местных старожилов, пользовалась определенным авторитетом, основанным на родственных и традиционных связях. Тем не менее, президиум Кузнецкого окружного исполкома (который в то время располагался в Кемерове) 8 мая 1930 г. принимает постановление о ликвидации Кузнецкого Спасо-Преображенского собора и выступает с соответствующим ходатайством об утверждении данного решения Сибирским крайисполкомом. Нам неизвестна мотивация данного постановления, но не будет большим преувеличением сказать, что столь кардинальные меры были приняты не без влияния пришлых людей. Позиция крайисполкома оказалась более взвешенной

— кузнецкая церковь во имя весьма почитаемой на Руси иконы смоленской Божьей матери Одигитрии (путеводительницы). К этому времени в Преображенской церкви, которую все чаще в силу ее значимости называют соборной, мы видим уже новых священников Ивана Иосифова и Микиту Михайлова да дьячка Якима Андреева. Из «старой гвардии» на службе оставался только неизменный пономарь Иван Гордеев.

Следующий — XVIII век — ознаменовался рядом значимых событий в жизни кузнецкого храма и его служителей. Во-первых, на содержание причта (церковного штата) уже не отпускался государев оклад. Это сильно ударило по благосостоянию служителей культа. Церковные доходы теперь шли лишь от кружечного сбора и пожертвований «доброхотов». Во-вторых, 9 июня 1734 г. Преображенская церковь была полностью уничтожена внезапным пожаром, который в ней самой и возник. С горящей церкви огонь перекинулся и на город, где выгорело около 50-ти дворов. Кузнецк сумел быстро оправиться от пожара, и к сентябрю этого же года деревянный храм был полностью восстановлен.

За последующие полвека и это здание сильно обветшало и потребовало капитального ремонта. Теперь времена изменились, и в Кузнецке появились возможности для каменного зодчества. «Первой ласточкой» новой строительной технологии стала Одигитриевская церковь, каменные фундаменты которой начали возводить в мае 1775 года. А спустя ровно семнадцать лет 14 мая 1792 г. по благословению сибирского епископа Варлаама был заложен и каменный Спасо-Преображенский собор. Строительство главного храма Кузнецкого края шло в два этапа. К ноябрю 1801 г. был выстроен только первый этаж. Столь неспешные темпы объяснялись тем, что такое дорогостоящее здание возводилось исключительно на средства «прихожан и доброхотодателей». Сооружение мощной Кузнецкой крепости в начале XIX в., оттянувшее на себя материальные (кирпич) и людские ресурсы (рабочих), и вовсе остановило дальнейшее строительство собора. Лишь по окончании всех крепостных построек вновь приступают уже в 1820-е годы к возведению верхнего этажа храма. Весомую роль здесь сыграла позиция западносибирского генерал-губернатора П.М.Паскевича, словом и делом способствовавшего окончанию строительства кузнецкого собора. 5 августа 1834 г. Спасо-Преображенский собор, включающий в себя три престола — во имя преображения Господня, крестителя Иоанна и Николая Чудотворца — был торжественно освящен.

Несмотря на свой высокий статус — главный храм благочиния (так назывались крупные церковно-административные области) — его причт (с 1858 г. это были протоиерей, священник, дьякон, два дьячка и два пономаря) по-прежнему содержался без постоянного оклада на весьма скромные средства прихожан. Правда, известный в кузнецкой истории ле-

тописец купец И.С. Конюхов в середине века хотя и пожертвовал на содержание церковнослужителей 500 рублей (эту сумму ему помогли добрать вдова чиновника Елизавета Щетинкина и казачий унтер-офицер Иван Сологачев), ежегодные проценты с этой суммы — деньги были помещены в коммерческом банке — были невелики. Не «делали погоды» и передаваемые кузнецкими мещанами Ананьиной и Родионовым в пользу церкви арендные платы за их небольшие торговые лавки, приносившие собору в год лишь восемь рублей дохода. С 1867 года сын все того же Конюхова также стал отчислять со своей присоборной лавки в его пользу по шесть рублей, но и это не решало финансовых проблем преображенской братии.

В дальнейшем ситуация в этом вопросе не только не улучшилась, но и осложнилась в еще большей степени. В итоге в июле 1882 г. настоятель собора протоиерей Захарий Кротков обратился к епископу Томскому Петру с просьбой назначить причту кузнецкого храма постоянное жалование, обусловив это его крайней нуждой. Просьба была признана заслуживающей внимания, однако Томская духовная консистория была вынуждена отказать в ее удовлетворении в связи с отсутствием «у епархиального начальства сумм», но обещало назначить жалование «при открытии возможности».

Положение еще больше усугубил сильнейший пожар, охвативший Кузнецк 9 мая 1884 г., в результате которого собственные дома большинства кузнецчан, а также священников — протоиерея Кроткова и настоятеля Одигитриевской церкви Тюменцева — сгорели дотла. На помощь кузнецким погорельцам в Томской губернии был открыт сбор пожертвований, общая сумма которых достигла нескольких тысяч рублей. Для Кузнецка, где выгорела треть города, это было хоть и небольшим, но все же подспорьем. Не остались без внимания и оказавшиеся в бедственном положении кузнецкие священники. Однако эта разовая помощь в условиях отсутствия постоянного финансирования оставляла церковнослужителям единственную надежду — уповать на щедрость кузнецких боголюбцев. Их надежды были не напрасны. Так, в 1880 году кузнецкий мещанин П.А. Шабалин завещал собору деревянный двухэтажный дом на улице Достоевского (ныне это пустующее место на Форштадте позади здания СИЗО занимают гаражи). Дом оказался как нельзя кстати — все церковнослужители до этого снимали частные квартиры. Теперь же преображенский священник со своей семьей мог проживать в принадлежащем церкви дому и, соответственно, не платить за это. Последний церковный владелец этого дома отец Алексей (Алексей Иванович Петропавловский) погиб в Кузнецке в декабре 1919 г., попав в кровавую роговскую сечу.

Правда, иногда подобные дары церкви вызывали недоумение. Так, известный кузнецкий кузнец Степан Егорович Шукшин (его красивый двух-

и недвусмысленной: «молитвенное здание оставить в пользу верующих» — таково решение президиума краевого исполнительного комитета от 22 июля 1930 г.

Впрочем, как показали дальнейшие события, то была лишь разведка боем.

К лету 1931 г. население Кузнецка достигло 8 тысяч человек, из которых почти половину — 3800 человек — составляли рабочие и служащие Кузнецкстроя. Эти люди по разным причинам оказались на великой стройке. Кого-то притягивал пафос «социалистического строительства», кто-то бежал сюда из сибирской деревни, уже охваченной тисками коллективизации, кто-то просто стремился за «длинным рублем», но всех этих людей объединяло одно — они были чужаками в старом Кузнецке, рассматривали его как временное пристанище на своем жизненном пути.

Поэтому не случайно 14 июня 1931 г. в недрах Кузнецкого райисполкома рождается весьма характерная записка, направленная, как и прежде, на утверждение в вышестоящую инстанцию — теперь уже Западно-Сибирский исполнительный комитет. Суть этого документа сводилась к тому, что в Кузнецке из-за большого наплыва кузнецкстроевцев возник острый жилищный кризис, сопровождающийся ощутимым дефицитом в зданиях, которые можно было бы использовать для культурных потребностей. Между тем, как отмечалось в записке, в Кузнецке имеется большое каменное двухэтажное здание собора общей вместимостью 1236 кубических метров. Этим огромным зданием пользуется небольшая группа людей. А потому, «идя навстречу ходатайству общественных организаций и отдельных групп организованного и неорганизованного населения г. Кузнецка и Кузнецкого района, райисполком ходатайствует об изъятии собора в г. Кузнецке у группы верующих с обращением этого здания на общественные надобности. Верхний этаж здания предполагается переоборудовать под кино, а нижний — под общественную столовую». Данное ходатайство поддержала резолюция кузнецкстроевского районного комитета ВКП(б). За подписью Щербатова, заместителя Хитарова, вышла аналогичная записка. О том, насколько решение этого вопроса для кузнецких инициаторов было важным, красноречиво говорит тот факт, что уже 15 июля весь комплекс документов с предложениями о ликвидации собора был отвезен в Новосибирск лично членом президиума Кузнецкого райисполкома Асановым. Затяжка с решением этого вопроса в краевом центре вызвала серьезную обеспокоенность в Кузнецке. 9 сентября за подписью председателя райисполкома Лыткина в Новосибирск отправляется новый запрос с настоятельной просьбой ускорить рассмотрение «кузнецкого вопроса».

Решение Западно-Сибирского крайисполкома от 20 сентября 1931 г. оказалось для кузнецкого РИКа полной неожиданностью: «ходатайство Куз-

нецкого крайисполкома о ликвидации собора в г. Кузнецке отклонить». Этот категоричный отказ сопровождался весьма дипломатичным объяснением краевого секретариата: «мотивы к ликвидации собора признаны недостаточными (нехватка в помещениях), общественность в дело ликвидации втянута слабо, между тем ликвидируется последняя церковь в городе. В связи с этим все материалы возвращаются юрисконсульту представителю РИКа для дополнительного оформления и общей проработки этого вопроса».

Можно только позавидовать тому, как тонко в краевом центре чувствовали ситуацию на местах. В любом случае краевое руководство независимо от истинных мотивов, подвигнувших его к такому решению, сумело сохранить столь необходимый баланс между новыми запросами жизни и уходящими, но очень существенными элементами культуры прошлого.

Это хрупкое равновесие сохранялось до середины 1935 года, когда, не без участия городских властей, была инициирована инспекция здания городского собора на предмет выявления возможности его дальнейшей эксплуатации в связи с аварийным техническим состоянием (попутно заметим, что еще в ноябре 1933 г. особым постановлением Сталинского горсовета было воспрещено производить колокольный звон со стен собора). 5 сентября комиссия пришла к однозначному выводу о необходимости закрытия собора ввиду его возможного обрушения. Основываясь на выводах комиссии, Президиум горсовета 9 сентября вторично (первый раз еще 16 августа) запрещает отправление богослужений в здании собора до проведения необходимого ремонта и просит крайисполком утвердить это решение.

Может возникнуть вопрос — к чему эти сложности? Почему горисполком не мог просто ликвидировать церковь? В том-то и дело, что не мог. Вопрос о закрытии культовых зданий в советскую эпоху, даже в самое одиозное сталинское время, решался, как это ни парадоксально, по закону (другое дело, что многие законы были драконовские). В нашем случае закон — это Постановление ВЦИК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях», которое однозначно требовало, чтобы решение о ликвидации церковной организации было принято самой общиной на ее общем собрании. Здания церквей числились на балансах общин. И пока жива община, культовое здание, как бы ни хотели и ни требовали этого местные власти, оставалось в ее пользовании и не могло быть отобрано без ее согласия.

Иное дело, что руководители на местах широко использовали, в духе Остапа Бендера, «законный способ честного отъема чужой собственности». Суть такого технического приема заключалась в признании аварийности состояния того или иного культового объекта и невозможности его дальнейшей эксплуатации. Разумеется, для всякой общины

верующих церковь — это ее скрепляющий стержень. В Кузнецке закрытие собора для богослужений лишало местную общину этого консолидирующего начала. К тому же, кроме собора отправлять церковные службы было попросту негде, а санкции на открытие молельного дома власти не давали. В итоге начался распад кузнецкой общины (к тому времени более полутысячи человек), что привело осенью 1936 г. к ее самоликвидации.

Таким образом, именно с этого времени — осени 1936 года — можно говорить о закрытии уже как год не функционирующего собора. Здание теперь уже бывшего храма становится бесхозным и в силу этого переходит в распоряжение горкомхоза. В декабре того же 1936 г. Президиум горсовета передает его ГорОНО для размещения в нем краеведческого музея, выделив на переоборудование собора под музей всего 10 тысяч рублей. На такие деньги в то время можно было произвести лишь косметический, но отнюдь не капитальный ремонт, что было бы необходимо при угрозе обрушения здания. Очевидно, как говорил американский классик, слухи о критическом состоянии собора были слишком преувеличены. Впрочем, краеведческому музею так и не суждено было разместиться в стенах бывшего собора, как не случилось этого и с конторой электромонтажа (постановление горсовета от 21 августа 1938 г.), детской больницей (постановление от 16 ноября 1938 г.) и с рядом других учреждений (есть сведения, что в первой половине 1938 г. здесь должна была разместиться — но не разместилась! — школа комбайнеров), которые горсовет периодически определял в здание закрытого собора, но вскоре поспешно, можно сказать, лихорадочно отменял свои решения. Окончательно точку в истории здания мог поставить 1940 год, когда управление строительством 2-го КМК (будущего ЭСМК) категорично потребовало снести бывший собор, поскольку именно по этому месту должна была пройти железнодорожная ветка на стройплощадку нового завода. Здание тогда отстояли, сначала передав на правах аренды Сталинскому хлебокомбинату, а затем разместив в его стенах хлебозавод № 3, просуществовавший там до начала 1960-х гг.

Интересно, как об этом вспоминал уже в начале XXI в. новокузнецкий архитектор Григорий Петрович Шкрядо, бывший в то время начальником Горпроекта: «В середине 1942 г. председатель горисполкома Дробышевский обратился ко мне за советом, где и как можно быстро оборудовать хлебозавод, так как количество жителей города увеличилось в два раза за счет эвакуированных. Посоветовавшись с группой, я предложил с разрушающегося собора снять купола, построить перекрытие и установить подъемник. Строители по нашему указанию оборудовали все это, и через два месяца город получил хлеб. Ликвидировались очереди, а еще через месяц пришло ругательное письмо от Калинина, всесоюзного старосты. На каком

основании разрушали купола? Кто разрешил? Это жители Кузнецка написали жалобу в Совет и ЦК партии. Тов. Дробышевский вызвал меня, прочел письмо и спросил, что мы можем наврать в свое оправдание. Комиссия из трех человек обследовала собор и обнаружила трещины в стенах, причем сквозные, несмотря на толщину стен более метра. Поставили маяки из гипса, откопали фундаменты против трещин и установили, что фундаменты сложены из постелистого бута на глине и покоятся тоже на глине, на глубине 80-100 см от поверхности, и поэтому трещины появились после того, как было прекращено отопление собора. Фундаменты за зиму промерзают и выпучивают здание, а за лето оно снова опускается и, таким образом, благодаря своей «упругости» оно не разрушается. За время работы хлебозавода маяки не лопнули ни разу и угрозы обрушения не было. Но жалобщикам и М.И.Калинину мы объяснили, что рядом с собором проложили железнодорожный путь на шахты Байдаевки и Зыряновки и из-за сотрясения от тяжелых составов с углем появились трещины в стенах — возникла угроза его разрушения, в связи с чем срочно сняли купола и укрепили фундаменты и стены. Этот довод прекратил жалобы, а хлебозавод проработал несколько лет, выручил город от беды и сохранил здание от дальнейшего разрушения».

Возникает вопрос: можно ли было сохранить Кузнецкий собор как таковой в тех условиях и, иначе говоря, насколько общество испытывало потребность в существовании собора как одного из элементов культуры прошлого? История продемонстрировала всю однозначность ответа на этот вопрос. Показательно, что здание собора так никогда и не было использовано под какое-либо культурное учреждение, о чем так ратовали активисты 1931 года.

Но такие потери не проходят безвозвратно для самого общества. В начале 1990-х гг. при восстановлении здания Спасо-Преображенского собора появилась возможность проведения на его территории археологических раскопок, обещавших значительные находки и открытия в области ранней кузнецкой истории. Однако новоявленные «отцы церкви», выросшие уже без Собора, в категоричном порядке свернули археологические изыскания, мотивируя это необходимостью быстрее окончания работ по благоустройству храма и его территории. Бесценные элементы культуры прошлого вновь, как и в 1930-е годы, оказались навсегда утеряны.

Почему так происходит? Подумаем вместе.

*П.П. Лизогуб,
заместитель директора
по научной работе*

Новокузнецкого краеведческого музея